

Е. А. Ляшенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ХАРАКТЕРОВ В РУССКОЙ СВЕТСКОЙ ПОВЕСТИ

На початок другого десятиліття XIX ст. романтизм займає ключове місце в динаміці літературних напрямків у Росії, виявляючи більш-менш повно свою національну своєрідність. Жінка в літературних текстах зазначеного періоду виступає в якості дороговказної зірки, ідеального морального мірила, спокутної жертви. Головна героїня зазвичай зображується у світлі почуттів і дві основні події, що

сприяють руху жіночого життя – заміжжя і любов – мають свої сюжетні парадигми. У цьому відношенні особливий інтерес мають російські світські романтичні повісті. Обов'язкова любовна інтрига є центром сюжету світської повісті. Головна трагедія героїні світської повісті – неможливість жити і любити відкрито. Заборонене почуття жінки змушена приховувати під маскою благопристойності і в цьому виявляється її залежність від чоловіка. Характер, оточення, все життя світської жінки показані не в процесі розвитку, а застиглими, деякою мірою схематичними. Фрагментарність в описі зовнішності пов'язана з небажанням авторів акцентувати увагу на тілесній красі жінки, віддаючи перевагу красі духовній. Героїні світських повістей здатні відстоювати своє щастя, підноситися до протесту і навіть йти на розрив із суспільством, але вони не можуть почуватися в безпеці від світських пересудів, «думки світу», пліток, що отруюють їхнє життя. Особливо це стосується жінок, які відкрито заявляють про свої почуття, їм доводиться долати всілякі перешкоди, щоб відстояти свої права і переконання.

Ключові слова: романтична повість, вище суспільство, виняткова жінка, любовні переживання.

К началу второго десятилетия XIX в романтизм занимает ключевое место в динамике литературных направлений в России, обнаруживая более или менее полно свое национальное своеобразие. Женщина в литературных текстах указанного периода выступает в качестве путеводной звезды, идеального нравственного мерила, искупительной жертвы. Главная героиня обычно изображается в мире чувств и любви, и два основных события, создающих движение женской жизни – замужество и любовь – имеют свои сюжетные парадигмы. В этом отношении особый интерес представляют русские светские романтические повести. Обязательная любовная интрига является центром сюжета светской повести. Главная трагедия героини – невозможность жить и любить открыто. Запретное чувство женщина вынуждена скрывать под маской приличия, здесь обнаруживается зависимость от мужчины, а именно – мужа. Характеры, обстановка, вся жизнь светской женщины показаны не в процессе развития, а застывшими, раз навсегда данными. Фрагментарность в описании внешности связана с нежеланием авторов акцентировать внимание на плотской красоте женщины, отдавая предпочтение красоте духовной. Героини светских повестей способны отстаивать свое счастье, возвышаться до протеста и даже идти на разрыв с обществом, но они не могут чувствовать себя в безопасности от светских пересудов, «мнения света», сплетен, отравляющих их жизнь. В особенности это касается женщин, которые открыто заявляют о своих чувствах, им приходится преодолевать всевозможные препятствия, чтобы отстоять свои права и убеждения.

Ключевые слова: романтическая повесть, высшее общество, исключительная женщина, любовные переживания.

At the beginning of the second decade romanticism takes a key place in the dynamics of literary trends in Russia, revealing more or less its complete national identity. A woman in literary texts of the period acts as a guiding star, the ideal moral measure, atoning sacrifice. The main heroine is usually represented in the world of feelings and love. The two major events influencing women's life - marriage and love – have their own narrative paradigm. In this respect of particular interest are russian secular romantic stories. The mandatory love affair is the center of the plot of a secular story. The characters, the setting, the whole life of the secular women are shown not in development, but fixed, immovable. The fragmentary description of appearance is associated with the reluctance of the authors to emphasize the carnal beauty of a women, preferring her spiritual beauty. A woman is forced to hide the forbidden feelings behind a mask of decorum. This can be regarded as dependency on a man, namely her husband. The main tragedy of a secular heroine of the story – the inability to live and love openly. The tale of Bestuzhev-Marlinsky "Test" shows a complex relationship between a woman and conventional rules of secular society, that prevents showing of better human feelings. In the story "Fregate" Hope" the conflict between the heroine and society is escalating, and her tragic fate is significantly predicted by the author. In the novel of V. Odoevsky "Princess Zizi" the range of interests of a secular women is limited by family and home life. But even there a woman has to fight for her rights, sometimes without any hope for happiness. Heroines of secular stories are able to

protect their own happiness, to rise up to protest and even go on a break with society, but they can not feel safe from the secular gossips and “the views of the world” which poison their feelings. This is especially true for women who are open about their feelings. They have to overcome all sorts of obstacles in order to defend their rights and beliefs.

Keywords: romantic story, swell society, exceptional woman, love experiencing.

Представления о женском идеале первой половины XIX в. непосредственно связаны с романтизмом. К началу второго десятилетия романтизм занимает ключевое место в динамике литературных направлений в России, обнаруживая более или менее полно свое национальное своеобразие. Сверхидеальный женский образ этого периода – это «дева из чужбины», дева – мечта Шиллера, Беатриче, Мадонна. Женщина в литературных текстах указанного периода выступает в качестве путеводной звезды, идеального нравственного мерила, искупительной жертвы. М. Ю. Лотман отмечал: «Идеал этот вызывал в сознании современников образ ангела, случайно посетившего землю и готового вернуться на свою небесную родину» [8, с. 214]. Характер и судьба романтической героини раскрываются в любви и жертве как высшем проявлении любви, поэтому сюжетно идеальная романтическая любовь нередко заканчивается смертью героев / одного из героев (А. Бестужев-Марлинский «Фрегат „Надежда“», И. Панаев «Спальня светской женщины», «Она будет счастлива»).

Цель данной статьи – рассмотреть условия функционирования образа романтической героини и особенности изображения женских персонажей на материале русской романтической повести.

Многие исследователи отмечают, что в прозе и поэзии первой половины XIX века часто используются готовые модели женских характеров. М. Давидович, анализируя женский портрет у русских романтиков, говорит о двух контрастных возможностях изображения женщины: как идеальной красавицы, небожительницы и как чувственной сладострастницы [5, с. 94]. Ю. Лотман пишет о том, что конец романтической эпохи создал три литературно-бытовых стереотипа женских характеров: девушка-ангел (покорное судьбе поэтическое дитя), демонический характер и женщина-героиня [8, с. 256]. Автор работы о светской повести 30-х годов О. Цветкова-Самиленко внутри этого жанра различает такие повторяющиеся женские типы как невинная героиня (the Innocent Heroine), соблазнительница (the Seductress) и хищница (the Female Predator). Женщина обычно изображается в мире чувств и любви, и два основных события, создающих движение женской жизни – замужество и любовь (адюльтер, соблазнение) – имеют свои сюжетные парадигмы [13, с. 183]. Особенно это касается разработки женских типов: героини как жертвы светской молвы; героини, открыто бросающей вызов светским условностям; героини как законодательницы светского мнения; роковой красавицы, ловко плетущей светские интриги и др. В этом отношении особый интерес представляют русские светские романтические повести. Главной героиней повестей является необычная светская женщина, которую В. И. Коровин именовал «исключительная женщина» [7, с. 11]. Такая героиня представлена в повестях А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание», «Фрегат „Надежда“»; Е. П. Ростопчиной «Поединок»; В. Ф. Одоевского «Княжна Зизи», «Княжна Мими»; В. Соллогуба «Большой свет», И. И. Панаева «Спальня светской женщины», «Она будет счастлива»; А. Рахманного «Один из двух» и др.

Обязательная любовная интрига является центром сюжета светской повести. Главная трагедия героини – невозможность жить и любить свободно, с открытым сердцем. Женщина принадлежит к высшему обществу и, как правило, замужем за состоятельным человеком, но тяготится браком, заключенным в ранней юности и зачастую навязанным извне. Вынужденная вращаться в светском обществе, исключительная женщина видит пустоту света и не принимает его законов. «Спо-

собная к истинной высокой любви» [9, с. 37], в каждой новой повести светская женщина утверждает любовь высшей жизненной ценностью. В повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» показаны сложные взаимоотношения героини с условными правилами светского общества, препятствующими проявлению лучших человеческих чувств. Молодая светская дама Алина, равнодушная к старому мужу, увлекается молодым человеком Стрелинским. После непродолжительных злключений герои находят счастье, светская женщина обретает право на открытую любовь. Повесть лишена мотивов отрицания света. Бестужев-Марлинский ставит в ней под сомнение лишь условные формы отношений, принятых в нем.

В повести «Фрегат „Надежда“» конфликт героини со светским обществом обостряется. Любовь преобразует княгиню Веру. До встречи с Правдиным она не тяготилась своей жизнью, бездушием высшего общества. Любовь заставляет Веру критически переосмыслить ситуацию, воскрешает лучшие качества ее души. Отдаваясь высокому чувству, Вера и Правдин вступают в конфликт со светским обществом, но они также пренебрегают законами долга и чести. Ради свидания с Верой Правдин оставляет фрегат «Надежду» и губит его. Вера из любви к Правдину разрушает семью. Трагическая участь героини в значительной мере предсказывается автором. Известная доля вины за случившееся ложится на общество, которое окружает Веру. Свет может повлиять на судьбу героини, но он не властен над ее чувствами.

Большой свет стесняет рамками приличий пламенную женскую душу, обнаруживает в ней героическую натуру, которая отчаянно сопротивляется враждебным обстоятельствам, терпит поражения, но остается непреклонной и отстаивает лучшие свои качества – ум, честность, независимость. Круг интересов светской женщины, в повести В. Одоевского «Княжна Зизи», замыкается семьей, домашним бытом, но и в них женщине приходится бороться за свои права, иногда без всякой надежды на счастье. Возможность выбора подавляется обстоятельствами, но, восставая против сложившихся условий, Зизи мобилизует душевные силы и встает вровень с могущественным «светом». В обыкновенной женщине просыпаются мужество, чувство долга, ответственность за чужую жизнь. «Свет» не сломал Зизи, не заставил ее склониться перед ним. Все это выделило ее из среды ей подобных барышень и превратило обыкновенную героиню в незаурядную, деятельную яркую индивидуальность и исключительную женщину.

В другой своей известной повести, «Княжна Мими», В. Одоевский противопоставляет искреннюю баронессу Дауреталь светской интриганке, княжне Мими. В случае с Мими обстоятельства также сыграли роковую роль, воздействовал на низменные стороны ее души. «Свет» не мог простить Мими ее одиночество: «Бедная девушка! Каждый день ее самолюбие было оскорблено; с каждым днем рождалось новое уничижение; и, – бедная девушка! – каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-помалу портили ее сердце» [10, с. 21]. И вот оскорбленная, униженная, лишенная достоинства, Мими добывает себе место в «свете» – она «вся обратилась в злобное, завистливое наблюдение над другими» [10, с. 22]. Знать чужие тайны – значит, возыметь власть над людьми. Мими мстила «свету» за то, что он издавал «тихий шепот» вслед ей, сопровождал ее появление «неприметными улыбками», «насмешками». И все потому, что «бедная девушка» «не имела довольно искусства» или «имела слишком много благородства, чтобы не продать себя в замужество по расчетам!» [10, с. 24]. Запущенная княжной Мими клевета распространяется, порождая губительные последствия. Из-за вмешательства Мими гибнет на дуэли Границкий, скомпрометирована в глазах «света» баронесса Дауреталь, страдает, теряя своего возлюбленного, Лидия Рифейская. Таково это «страшное общество, – пишет Одоевский – Оно ничего не боится – ни законов, ни правды, ни совести» [10, с. 68].

Характеры, обстановка, вся жизнь светской женщины показаны не в процессе развития, а застывшими, раз навсегда данными. Развития характера героини, диалектики души как таковых практически нет, но внимание уделяется портретной характеристике. Отсюда некоторая шаблонность, трафаретность образов. Героини повестей, как правило, похожи друг на друга, в описании внешности варьируются лишь детали. У женщины обязательно присутствуют черные / темные кудрявые волосы. Глаза могут быть черными и голубыми, при этом необходимо заметить, что глаза исключительной героини блестят, светятся: «блестящие» [2, с. 193]; «отсвечивают нежностью» [9, с. 15]; «дивно сверкают» [11, с. 84]. В повестях практически отсутствует подробная характеристика фигуры героини. Редки описания плеч и рук, но довольно часто показывается «маленькая ножка, зятая в бархат туфельки» [12, с. 96]. Особенностью внешней характеристики исключительной женщины является описание стана. Стройный стан дополнительно характеризуется как «величавый», «пленительный», «дивный», «нежный»; отмечается также, что он «наделен нежной гибкостью», «напоминает гибкий кипарис». По всей видимости такая фрагментарность в описании внешности связана с нежеланием авторов акцентировать внимание на телесной красоте женщины, отдавая предпочтение красоте духовной.

Практически все героини светских повестей кажутся странными, они обладают богатым внутренним миром, о чем свидетельствует обилие «внутренних жестов», связанных с «жизнью сердца»: «крепко / сильно забилося сердце» [2, с. 218], [12, с. 105]; «сердцу ее позволено разбиться в ноющей груди» [11, с. 97]; «скрепив сердце» [9, с. 58]; «с замиранием сердца взглянула» [12, с. 135]. Как героиня благородного происхождения, исключительная женщина наделена гордостью, которая сквозит в выражении лица героини: «на лице ее блеснуло обычное гордое чувство» [9, с. 67]; «гордые упреки посыпались из уст ее» [11, с. 154] и фигуре: «едва заметное движение гордых плеч» [11, с. 160]; «подняла голову с невыразимой величавостью» [12, с. 242].

Запретное чувство женщина вынуждена скрывать под маской приличия, здесь обнаруживается зависимость от мужчины, а именно – мужа, которая выражается в притворстве: «возразила с притворным равнодушием» [2, с. 54]; «участием старалась скрыть свое отвращение» [11, с. 152]; «ее веселье казалось принужденным» [14, с. 375]. Подобная сдержанность жестового поведения ассоциируется с духовной культурой и интеллектом [7, с. 298]. Глубокие, но сдерживаемые чувства исключительной женщины заставляют ее предпочитать молчание ответу на «трудный» вопрос: «Алина молчала» [2, с. 57]; «отвечала им зеркальной прозрачностью спокойного взора, молча поклонилась» [11, с. 148]. Когда же героиня говорит, ее голос трепещет, прерывается, сдерживаемые эмоции буквально вырываются наружу: вздох/стон/голос/судорожный смех/ страшный звук «вырвался из груди» [2, с. 45]; «вскричала вне себя» [9, с. 63]; «вздох против воли вырвался из стесненной груди» [11, с. 144]. Богатую внутреннюю жизнь героини передают глаза. Как правило, это движение взгляда снизу вверх, говорящее о незащитности героини (поиск опоры), но встречается движение сверху вниз (бессознательный «уход» от собеседника) в различных вариантах: «склонила очи к земле», «краснея, подняла очи» [2, с. 55]; «глаза ее потупились / потупились вниз (в землю)» / «потупив взоры» / «потупила очи» [12, с. 207]; «устремилась на него взоры / глубокий, испытующий взгляд» [3, с. 218]; «подняла на меня свои блестящие, черные глаза» [9, с. 59]. Заметную роль в поведении героини, страдающей от непонимания, играют слезы: «две крупные слезы выкатились из глаз ее» [2, с. 38]; «навернулись / засверкали на длинных ресницах [12, с. 217]; «горькие слезы полились из ее глаз» [9, с. 64].

Героини светских повестей способны отстаивать свое счастье, возвышаться до протеста и даже идти на разрыв с обществом, но они не могут чувствовать себя в безопасности от светских пересудов, «мнения света», сплетен, отравляющих их чувства. «Свет» мстит им и морально, и материально, никогда не прощая нарушения неписаных и жестоких законов чопорной, бездуховной, ханжеской и лицемерной избранной касты. В особенности это касается женщин, которые открыто заявляют о своих чувствах, им приходится преодолевать всевозможные препятствия, чтобы отстоять свои права и убеждения.

Светские повести вызвали целый поток подражательных сочинений: повести Рахманного «Кокетка», «Женщина-писательница»; Виктора Стройского «Графиня-поэт» и др. Несколько позже появились и пародии. Главное внимание авторов в данном жанре обращено не на изображение нравов, а на зарисовку характеров, психология которых раскрывается в любовных переживаниях. В русской литературе конфликт светской повести предельно разработан В. Одоевским. Кроме того, русская светская повесть ориентирована на новые французские психологические романы, повести, а также, главным образом, на произведения Бальзака. У последнего авторы старались перенять, правда чрезвычайно упрощая и сужая его, психологический анализ бытовых, преимущественно любовных, переживаний, исключительный интерес к женщине. Впоследствии над светской повестью работают и наполняют ее особым смыслом писательницы-женщины. Взаимоотношения личности и света они переносят на взаимоотношения мужчины (который в «женских» светских повестях выступает носителем официальной этики) и женщины (носителя личной этики). Героиня в «женских» светских повестях поднимается над низостью, пошлостью «светского» мужчины и бросает ему вызов («Идеал», «Суд света» Е. Ган, «Провинциалка» М. Жукова, «Чины и деньги» Е. Ростопчина и т.д.).

С конфликтом в «женской» светской повести напрямую связана и балладная «смальгольмская» ситуация. Эта связь обнаруживается в том, что замужняя женщина, преступившая «светские» законы, вступает в борьбу со светом, пытается отстоять свою любовь. Как правило, эта борьба, а с нею и конфликт светской повести, остаются неразрешенными. Единственный случай нивелирования последнего был представлен в повести М. Жуковой «Барон Рейхман». Муж прощает жене измену, помогает «безболезненно» вернуться в семью. Это возвращение героини знаменует восстановление её связей со светом, примирение с обществом, что в итоге способствует снятию основного конфликта повести, основанного на столкновении первоначально утверждаемой Натальей Васильевной личной этики и этики света.

На первый взгляд кажется разрешенной балладная «смальгольмская» ситуация и в повести Е. Ростопчиной «Поединок». Проблема «греха», которая в «Бароне Рейхмане» разрешается благодаря мужу Натальи Васильевны, в этой повести нивелируется смертью возлюбленного Юлии. Сама героиня внешне не выражает горечь своей утраты. Юлия, как и прежде, пребывает в свете. Она посещает балы, слушает «бальную музыку», ведет себя как и подобает истинно светской даме. Однако под «внешней» светскостью Юлия тщательно скрывает, в отличие от Натальи Васильевны, непреходящую «великую» личную трагедию. Умение обмануть таким образом свет, не допустить его в «свое сердце» может расцениваться в данной ситуации как своеобразный вызов обществу, как внутреннее, пока еще непроявленное, но очень опасное для света противостояние личности. Эта опасность, прежде всего, состоит в том, что противостояние личности свету может оставаться «неявным» лишь определенное время; в конечном же итоге возможно его прорастание в открытый конфликт с обществом. Больше того, сильная героическая личность, подобная Зенаиде в повести Е. Ган «Суд света», находящая в

себе силы бросить вызов обществу, способна, если не восторжествовать над светом, то посеять среди людей света сомнение в законах, по которым они живут, и заставить раскатыться в «светском» поведении отдельных её представителей.

Связанная с романтическим дискурсом, русская светская повесть демонстрирует в литературе разобщенность понятий душа / тело; земная жена, женщина / святая, чистая, непорочная. Авторы сосредоточиваются на духовном, а не физическом совершенстве, и эта сосредоточенность оборачивается «воздушностью», «бесплотностью» героинь. В. Г. Белинский утверждает, что «сердце составляет сущность женщины»; поэтому, по его мнению, в бытии женщины особое место занимает любовь [1, с. 625]. Женское, как начало сердца, связывается с впечатлительностью, мечтательностью, жалостью, милосердием, состраданием, нежностью, кротостью, жертвенностью. Таким образом, идеальная женственность в романтизме воплощает природную гармонию, определяя цель женского существования любовью и любовными взаимоотношениями.

Библиографические ссылки

1. *Белинский В. Г.* Собр. Соч. : в 3-х т. / В. Г. Белинский. – М. : Гослитиздат, 1985. – Т. 3. – С. 617–634.
2. *Бестужев-Марлинский А. А.* Испытание / А. А. Бестужев-Марлинский // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Наука, 1990. – С. 15–75.
3. *Бестужев-Марлинский А. А.* Фрегат «Надежда» / А. А. Бестужев-Марлинский // Сочинения : в 2-х т. – М. : Правда, 1983. – Т. 2. – С. 177–285.
4. *Ган Е. А.* Суд света / Е. А. Ган // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Наука, 1990. – С. 207–271.
5. *Давидович М. С.* Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века / М. С. Давидович // Русский романтизм : сб. статей / ред. А. И. Белецкий. – Л. : Academia, 1929. – 164 с.
6. *Жукова М. С.* Барон Рейхман / М. С. Жукова // Вечера на Карповке. – М. : Наука, 1986. – С. 40–75.
7. *Коровин В. И.* Заветные преданья / В. И. Коровин // Русская повесть первой половины XIX века. – М. : Наука, 1989. – 317 с.
8. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 1999. – 412 с.
9. *Одоевский В.* Княжна Зизи / В. Одоевский // Отечественные записки. – 1839. – Т. 1. – С. 3–70.
10. *Одоевский В.* Княжна Мими / В. Одоевский // Библиотека для чтения. – СПб., 1834. – Т. 7. – С. 17–72.
11. *Ростопчина Е.* Поединок / Е. Ростопчина // Очерки большого света. Сочинение Ясновидящей. – СПб., 1839. – С. 77–205.
12. Русская романтическая повесть писателей 20–40-х годов XIX века / сост. В.И Сахаров. – М. : Пресса, 1992. – 272 с.
13. *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века) / И. Савкина. – Wilhelmshorst Verlag F. K. Gopfert, 1998. – 223 с.
14. *Соллогуб В.* Большой свет / В. Соллогуб // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Наука, 1990. – С. 345–429.

Надійшла до редколегії 24.02.2015 р.